

яние между ними около 2 км по прямой, и они вполне могли принадлежать разным группам одного и того же населения.

Никаких других вещей, кроме керамики, не найдено. Наибольшее сходство последняя имеет с сузгунской посудой. По особенностям погребального обряда: мелкие ямы, ориентировка на север или северо-запад, помещение горшка в изголовье; данные захоронения сопоставимы с исследованными ранее в к. 1 М. Г. Мошковой и В. Ф. Генингом [3], а также на Прорве, Потчеваше и отнесенными авторами также к сузгунской культуре [5, 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 2. СПб., 1786. С. 92.
3. Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 87—118.
4. Матвеева Н. П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 78-84.
5. Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва. Археология Прииртышья. Омск: ОмГУ, 1980.
6. Федорова Н. В. Исследования на городище Потчеваш у г. Тобольска // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск: Томский государственный университет, 1974.

*Сергей Станиславович ПАШИН —
доцент кафедры отечественной
истории исторического факультета,
кандидат исторических наук*

УДК 940.1

ГЕРБУРТЫ В ПЕРЕМЫШЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ XIV-XV ВЕКОВ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена истории крупного перемышльского шляхетского рода Гербуртов в XIV-XV веках: их происхождению, родственным связям, землевладению.

The article is devoted to the history of Peremyshl great noble family Gerburty in the 14-15th centuries: their origin, background, kinship and their landowning.

Потомки выходцев из Моравии братья Гербурт (Герборд) и Фридуш переехали на Перемышльщину в начале 70-х годов XIV в., получив от князя Владислава Опольского 9 компактно расположенных сел южнее гнезда Быбельских (на территории современного Старосамборского района Львовской области), при этом 8 поселений простирались на 20 км с запада на восток по берегам левого притока Днестра реки Стрвяж. С пожалованных владений братья должны были нести службу 4 копьями и 4 лучниками [1]. Одновременно они получили право построить замок. К 1390 г. рядом с селом Хыров был сооружен замок Фельштын [2], вследствие чего все ветви рода нередко назывались Гербортами с Фельштына.

Несколько лет спустя правитель Червоной Руси даровал братьям "juse feodali" село Прилбичи на перемышльско-львовском пограничье (Городокс-

кий повет, ныне — на территории Яворовского района), обязав их служить копьем и лучником. Особого внимания заслуживает выданная в силезском Ополе 22 июля 1386 г. грамота князя Владислава о пожаловании Гербурту и Фридушу граничивших с Прилбичами городокских сел Челгины, Подлубы и Мужиловицы (служба двумя лучниками) [3]: терявший контроль над Галичиной провенгерски настроенный Опольский открыто задабривал влиятельных феодалов. Младший из братьев Фридуш умер бездетным еще в XIV в., а Гербурт стал родоначальником одноименного семейства. С его деятельностью, вероятно, следует связать упоминание в люстрации 1469 г. «грамоты Яна, старосты Руси, на покупку села Хрипла» (1387-1404) [4]. Летом 1436 г. Миклаш Фельштынский за 350 гривен продал это перемышльское село Фридриху Яцимирскому [5].

У Гербурта было трое сыновей: Миклаш, Фридуш и Гербурт. Судебные записки обычно называют их «с Фельштына». В 1423 г. Владислав-Ягайло заложил Миклашу Колпец, а 2 года спустя подтвердил сделанную Миклашем на этом дрогобычском селе 600-гривенную венную запись в пользу жены последнего Елизаветы [6]. После введения польского права Миклаш занял земский уряд перемышльского ловчего и умер ранее августа 1439 г., оставив четырех сыновей и четырех дочерей [7].

Старшие сыновья ловчего Ян и Яков ушли из жизни в 60-е годы. Вдова последнего Елена в 1468-1479 гг. держала село Колпец [8]. Их единственная дочь Барбара не позднее апреля 1472 г. с 400 гривнами приданого вышла за Андрея Тарло [9]. В 1508 г. Барбара Тарлова владела Колпцом, Хыровом, Чаплями, Сушицей, Поляной, Гочовом, Гуменицами и Бунковичами, с которых было уплачено 15,5 гривны налогов [10].

Третий сын ловчего Гербурт до 1462 г. женился на некоей Дороте, сделав венную запись на Лозове и Хырове [11]. Ранее 1479 г. он занял уряд перемышльского стольника [12] и умер бездетным во второй половине 80-х годов.

Четвертый сын ловчего Миклаш (Миколай) в апреле 1483 г., будучи самборским войским, женился на дочери покойного галицкого подкомория Яна Кола Барбаре, взяв за ней 350 гривен приданого. Венная запись первоначально была сделана на Чаплях и половине Гуменицев [13], однако в январе 1501 г. пан войский переписал 700 гривен на села Городовичи, Слонихи, Ляшки и Бжозов [14]. Умер бездетным в 1502-1505 гг. [15]. В 1508 г. его вдова Барбара Гербуртова уплатила с 4 указанных сел 6 гривен налогов [16]. Остальные владения Миклаша (и его старших родных братьев) достались племяннице Барбаре Тарловой.

Второй сын родоначальника Гербуртов Фридуш (Фридрих) женился на львовской шляхтянке Елене Одновской. Их старший сын Ян осенью 1437 г. был уже совершеннолетним [17]. Тогда же Фридуш отсудил у Фридриха Яцимирского село Хрипла [18], на которое в мае 1440 г. сделал жене 300-гривенную венную запись [19]. Умер ранее сентября 1445 г. [20].

Фридуш имел сыновей Яна и Якова и дочь Ядвигу — жену львовского войского Петра Фала с Пелнатычей [21]. Жизнь Яна и Якова Гербуртов Одновских была связана с Львовской землей. К середине 70-х годов они, кажется, лишились всех владений на Перемышльщине, хотя порою назывались Фельштынскими, или с Фельштына. Ян женился на единственной наследнице саноцкого хорунжего Петра с Боиски Сусанне. Сын Яна и Сусанны Петр Фельштынский (Петр Гербурт) с Однова в 1508 г. уплатил 20 гривен налогов с доставшихся ему от матери саноцких сел [92].

Младший сын родоначальника Гербуртов, первый перемышльский хорунжий Гербурт, умер в начале 50-х годов [23]. После разделов с братьями ему достались как перемышльские владения (Фельштын, Добромиль, Соседовичи и др.), так и пожалованные Опольским села в Городокском повете. Сыновья хорунжего построили там замок Брухнал, по которому временами назывались Гербуртами с Брухнала. В 1468 г. все трое братьев — Ян, Миклаш (Миколай) и Северин (Зебжид) с Фельштына — выплатили 200 гривен приданого сестре Барбаре — жене Рафала Прохницкого [24]. В 1473—1474 гг., уже после смерти бездетного Яна, нераздельные дедичи Миклаш и Северин уступили двоюродному брату Якову (сыну Фридуша) львовские села Павлов и Станин (с доплатой 1000 гривен) в обмен на перемышльские Конев и Хрипла [25]. Весной 1478 г. Миклаша уже не было в живых, а Северин занимал уряд львовского хорунжего [26].

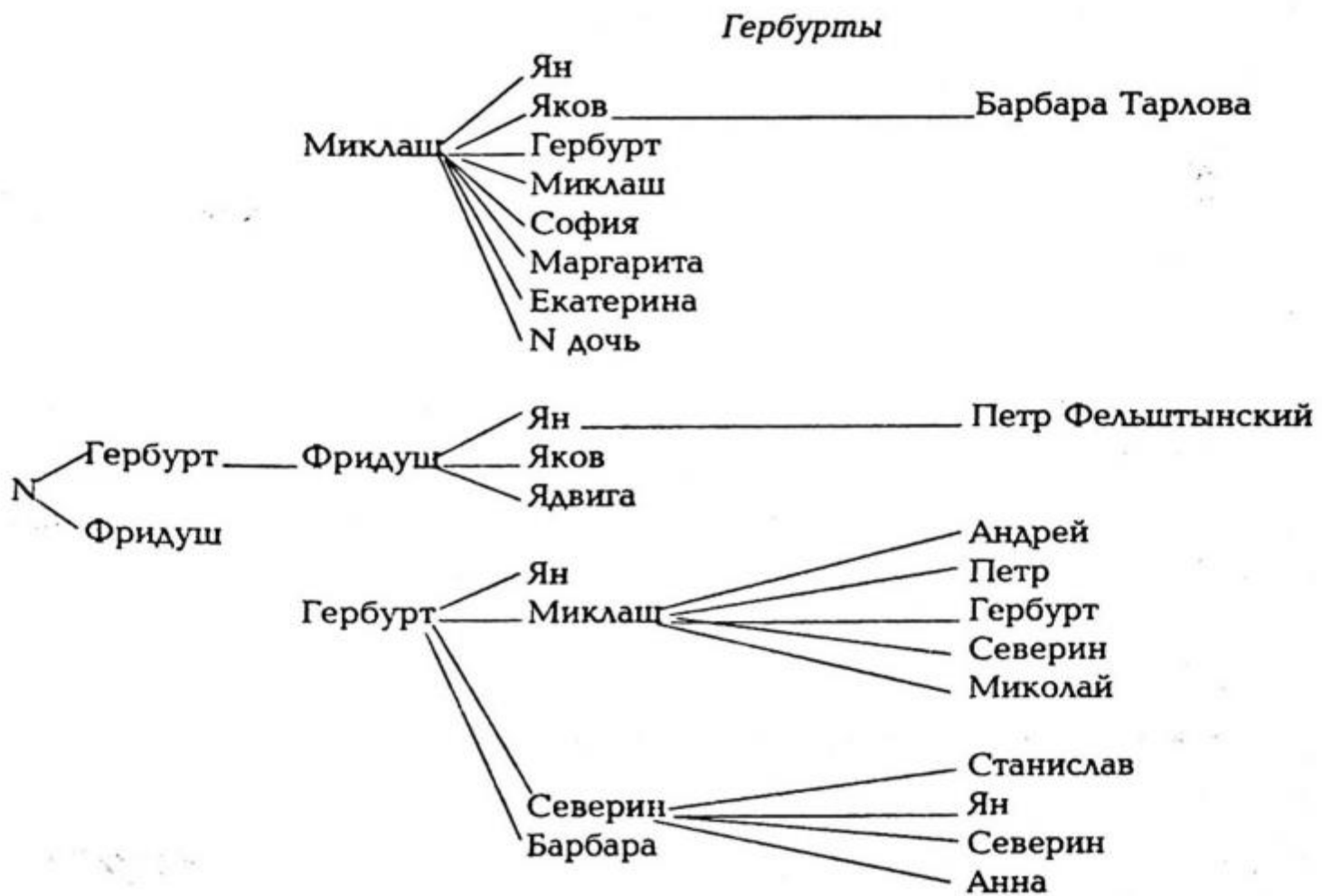
В 1485 г. сыновья покойного Миклаша Андрей, Петр, Гербурт, Северин и Миколай произвели с дядей раздел дедичных имений. Хорунжему достались замок Фельштын с предместьем, села Соседовичи, Хлипла, Добромиль, Конев, Букова, Пятница, Ляцка, Глубока, Замшанцы и некоторые другие перемышльские владения в границах родового гнезда Гербуртов. Племянники стали владельцами замка Брухнал и близлежащих сел. В Перемышльском повете у них остались Княжеполе, Михова Воля, Папортно, поле Арламов и половина мельницы в Добромиле [97]. Старший сын Миклаша Андрей Гербурт к 1508 г. оказался владельцем принадлежавших ранее Одровонжам самборских Луновичей и Пьяновичей, с которых уплатил в королевскую казну 2 гривны 6 грошей [28]. Его родные братья владели только львовскими селами.

Младший сын перемышльского хорунжего Гербурта львовский хорунжий Северин Гербурт с Фельштына умер летом 1498-осенью 1499 г. [29] Его единственная дочь Анна в 1500 г. с 300 злотыми приданого вышла за Станислава Фредро [30]. Упомянутый в трех записках перемышльского градского суда от 6 августа и 17 сентября 1498 г. Станислав Гербурт с Глубокой [31] если и пережил своего отца, то ненадолго. К 1508 г. Фельштын и другие владения Северина поделены между его сыновьями Яном и Северином Гербуртами. Каждый из них заплатил по 12 гривен 19 грошей налогов [32].

Перемышльские судебные книги XV в. хорошо освещают лишь одну сторону деятельности Гербуртов: их активное участие в заседаниях земских, градских и подкоморских судов в качестве ассессоров, особенно во второй половине столетия. Менее содержательна информация о материальном положении многочисленного семейства: его представители редко заключали сделки по купле-продаже недвижимости и обычно не утруждали себя хлопотами по документальному оформлению семейных разделов. Пожалуй, только размеры приданого невест говорят о богатстве Гербуртов.

Данные налогового реестра 1508 г. компенсируют недомолвки судебных книг: пятеро Гербуртов, владея примерно 30 перемышльскими селами, уплатили 48 гривен налогов. По этому показателю Гербурты уже опередили Жешувских и уступают только Пилецким, Ярославским и Яну Одровонжу (соответственно 47, 240, 184 и 50 гривен). Практически все села располагались по соседству с Добромилем, Хыровом, Соседовичами и другими пожалованиями Владислава Опольского. Это наводит на мысль, что во второй половине XV в. приращение земельных богатств Гербуртов происходило благодаря основанию новых поселений. Косвенное подтверждение тому можно найти в записке о разделе 1485 г. Среди прочих перемышльских владений племянники львовского хорунжего Северина получили поле Арла-

мов, «на котором они могут заложить село» [33]. В 70–80-е годы XIV в. владельцы десятка сел Гербурт и Фридуш принадлежали к числу крупнейших червонорусских землевладельцев: пожалованный в 1387 г. обширной Ярославской волостью Ян Тарновский, как и они, должен был служить пятью копьями и пятью лучниками [34]. Однако уровень их благосостояния не шел ни в какое сравнение с богатствами перемышльских магнатов рубежа XV–XVI вв.: в начале XV в. во *всех* шляхетских селах Перемышльского и (принадлежавшего Пилецким) Ланьцутского поветов проживало не более 2000 кметов [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Zrodla dziejowe (далее-ZD). Т. 18. Cz. 1 (В). S. 24; Boniecki A. Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. 7. S. 256.
2. Akta grodzkie i ziemskie (далее-AGZ). We Lwowie, 1880. Т. 8, N 20. S. 33.
3. ZD. Т. 18. Cz. 1 (В). S. 24; Грушевський М. Кілька грамот Володислава Опольського // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1903. Т. 51, № 5. С. 7-8.
4. ZD. Т. 18. Cz. 1 (В). S. 24.
5. AGZ. We Lwowie, 1888. Т. 13, N 50. S. 8.
6. Materiały archiwalne, wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku / Wyd. A. Prochaska. Lwów, 1890, N 58. S. 45.
7. AGZ. Т. 13. N 1070. S. 78. Ср.: Boniecki A. Op. cit. S. 256-258.
8. AGZ. N 7004. S. 576; We Lwowie, 1901. Т. 17, N 1690. S. 176.
9. Ibid. We Lwowie, 1903. Т. 18, N 312. S. 46.
10. ZD. Т. 18. Cz. 1. S. 112.
11. AGZ. Т. 13. N 4717. S. 363.
12. Ibid. Т. 18. N CII. S. 182.
13. Ibid. N 1764. S. 254.
14. Ibid. N 2884. S. 422-423.
15. Ibid. N CCIV, 3436. S. 439, 480.
16. ZD. Т. 18. Cz. 1. S. 112.
17. AGZ. Т. 13, N 528. S. 44.

18. Ibid. N 7155. S. 589.
19. Ibid. N 1310. S. 93.
20. Ibid. N 2466. S. 176.
21. Ibid. N 4703. S. 361.
22. ZD. T. 18. Cz. 1. S. 117.
23. AGZ. T. 13, N 4064. S. 297.
24. Ibid, N 6843-6844. S. 557.
25. Ibid. T. 18, N 393, 549. S. 59-60, 81.
26. Ibid. N 1067. S. 162.
27. Ibid. N 1846. S. 268.
28. ZD. T. 18. Cz. 1. S. 107.
29. AGZ. T. 17, N 3228. S. 377; T. 18. N 4353. S. 586.
30. Ibid. T. 18, N 2873, 2885. S. 421, 423.
31. Ibid. T. 17, N 3042, 3055, 3058. S. 356-358.
32. ZD. T. 18. Cz. 1. S. 108.
33. AGZ. T. 18, N 1846. S. 268.
34. Kodeks dyplomatyczny malopolski. W Krakowie, 1905. T. 4, N 991. S. 18-20.
35. Грамоти XIVст. Київ, 1974, № 38. С. 72...

**Владимир Яковлевич ТЕМПЛИНГ —
старший преподаватель кафедры
отечественной истории исторического
факультета, кандидат исторических
наук**

УДК 930. 2

**«НАЧАХ ПИСАТЬ СИИ СТАТИИ В ПОЛЬЗУ
ДУШЕСПАСИТЕЛЬНУЮ ЧТУЩИМ...»
(старообрядческий книжник В. И. Макаров)**

АННОТАЦИЯ. В статье производится атрибуция сборника конца XIX — начала XX вв. уникальному рукописному своду, созданному на рубеже веков на территории Тюменской области, в составлении которого принимал участие один из лидеров уральских и сибирских старообрядческих поморских общин В. И. Макаров. Кратко характеризуется состав обнаруженного четвертого тома свода.

The article deals with the attribution of the unique manuscript created in the end of the XIX — the beginning of XXth century. The manuscript appeared in the area of Tyumen region and was partly due to its origin to one of the leaders of old-believers' communities in the Ural and Siberia. The article presents a short review of the fourth volume of the above mentioned manuscript.

Работу археографа нельзя назвать простой и легкой. Десятки километров, пройденных пешком, сотни и тысячи — преодоленных на транспорте, горы просмотренных архивных документов, многочасовые, часто изнуряющие, беседы — вот будни исследовательской работы. Ее праздники, замечательные и уникальные находки, не так уж часты, но тем драгоценней и желанней. Они с лихвой компенсируют все тяготы и неудобства полевой работы. Особенно если находка является составной частью уже обнаружен-